

Необъяснимый импульс заставил Нань И захотеть остановить всё это.

Перед ним происходило что-то, словно с Цинь Июя сдирали кожу, обнажая кровавую рану, скрытую внутри. Оказалось, что под этой оболочкой скрывался раненый мальчик.

Нань И был единственным зрителем.

И именно он меньше всего умел утешать и больше всего боялся откровенности, поэтому чувствовал себя растерянным. Он не хотел видеть эти открытые раны, по крайней мере, не так ясно.

Человек перед ним был таким незнакомым. Это не был тот Цинь Июй, который шутил на школьных собраниях, спал где попало и всё равно занимал первое место в учебе. И это не был тот Цинь Июй, который на музыкальных фестивалях стоял на колонках, и стоило ему лишь поднять палец, как толпы людей бросались к нему с любовью.

Кто ты такой? Почему ты выглядишь так, будто тебе больно?

Почему мне тоже больно?

Нань И никогда не думал, что однажды будет бояться видеть, как Цинь Июй играет на гитаре.

- Эй, - он инстинктивно протянул руку и схватил его запястье, которое двигалось беспорядочно. - Цинь Июй, очнись.

Ответа не последовало.

Он позвал его несколько раз, даже потряс его руку, но реакции не было. Цинь Июй полностью погрузился в состояние лунатика, не мог выйти из него, как человек, попавший в зыбучие пески: чем больше его тянут, тем глубже он погружается.

Нань И протянул другую руку, приблизился к его лицу, хотел попробовать ущипнуть его, думая, что, может быть, от боли он очнется.

Но он не успел этого сделать, потому что его руку схватили в ответ.

Цинь Июй опустил свою «гитару», рука, которая крутила колки, поднялась выше, и его большой палец зажал запястье Нань И.

Свет в комнате был мягким, как туман, окутывая пальцы и цветы магнолии, делая их живыми. Цветы обвивали пальцы, пальцы обвивали запястье, медленно поднимаясь вверх.

Нань И явно чувствовал мозоли на кончиках пальцев Цинь Июя, которые терлись о его кожу. Эти мозоли появились от многолетней игры на гитаре, от волдырей, которые превращались в корки, отпадали, и так день за днём, слой за слоем, пока не стали такими, какими были сейчас. Но об этом мало кто знал, потому что эти старые мозоли, заработанные тяжёлым трудом, слишком долго скрывались под ореолом «гения».

А сейчас грубые подушечки пальцев давили на его запястье, как будто зажимали струну, впиваясь в плоть.

Всего за пару секунд аромат снова заполнил воздух, делая его густым.

Цинь Июй наклонил голову, глядя на его запястье, в своём сне он держал гриф гитары,

смотрел на лады, на струны.

Поэтому он так сильно тер его, и это движение вызывало у Нань И дискомфорт, даже растерянность. Он почувствовал, как изменился ритм его сердца. Это ощущение было знакомым, как в первый раз, когда он видел выступление Цинь Июя, сердце билось так сильно, что казалось громче бас-бочки в колонках.

Аромат цитрусов становился всё сильнее, словно Цинь Июй сжимал в руке свежий апельсин, выжимая из него сладкий сок, который стекал по руке Нань И, прилипая к его дыханию.

Было немного больно.

Нань И чувствовал странность, ведь он был тем, кто лучше всех терпел боль. К счастью, в этот момент Цинь Июй немного ослабил хватку.

Его рука скользнула вверх, мягко, унося с собой белоснежные цветы, которые коснулись синих вен, прошли по ладони и остановились на линиях руки.

Этот процесс был настолько медленным, что на спине Нань И выступил тонкий слой пота, прилипший к рубашке, а каждая пора на его теле дрожала несколько секунд. Это ощущение было новым и странным, и он не мог не думать: что же Цинь Июй задумал? Что он ещё сделает?

В следующую секунду рука, лежащая на его ладони, сдвинулась, пальцы слегка раздвинулись и естественно впились между пальцами Нань И, мягко сцепившись с ними.

Цинь Июй, находящийся в состоянии лунатика, взял за руку пробуждённого Нань И.

Как человек может сцепить пальцы со своей гитарой?

В тот момент, когда эта абсурдная мысль возникла у него в голове, Цинь Июй, который всё это время смотрел на «гриф», повернул голову, и его расфокусированные чёрные глаза устремились на Нань И.

Он смотрел на него, но не видел его, всё это было похоже на влажный сон.

Нань И нахмурился, но вдруг заметил, что губы Цинь Июя слегка двигаются, словно он хочет что-то сказать, но не может издать звук.

Как раз у Нань И был глухой отец, и чтение по губам стало для него чем-то вроде хобби, поэтому он легко понял, что бормочет Цинь Июй во сне.

Он сказал: «Поймал тебя.»

Странно. Нань И инстинктивно попытался вырваться.

Кого он хочет поймать?

Запястье уже покраснело от сжатия, а на ладони и между пальцами осталось тепло.

Цинь Июй всё ещё сохранял ту же позу, словно был под гипнозом. Нань И, успокоив дыхание, попытался заставить его вернуться в свою кровать и спокойно спать, но это было сложно. Он не хотел идти, а нести его было ещё труднее, поэтому Нань И просто уложил его, прижав к своему одеялу.

В конце концов, это была первая ночь, всё было новым.

В этот момент его странная привычка «ненавидеть делиться вещами с другими» внезапно исчезла. Он не только позволил Цинь Июю использовать своё одеяло, но и укрыл его, выключил лампу и сам лёг на кровать Цинь Июя, убеждая себя поскорее уснуть, ведь завтра нужно писать песни и репетировать.

Но как только он закрыл глаза, его почти захлестнуло море цитрусового аромата.

Голова кружилась, мозг непроизвольно заполнялся обрывками воспоминаний, быстро прокручивая их. Единственное, что радовало, – большинство из них были хорошими.

Самым ярким было воспоминание о дороге в Юньнань. Тоннели, прорезавшие горы, делили мир на множество светлых и тёмных отсеков. Когда свет включался, он видел зелёные горы, представляя, что где-то там может скрываться Цинь Июй. Когда свет гас, он видел своё отражение – лицо, стёртое ненавистью, с зрачками, отражающими белый свет тоннеля, мчащийся назад.

Свет и тьма сменяли друг друга, и лежащий в кровати Нань И в какие-то моменты чувствовал ту одержимость, с которой он когда-то искал Цинь Июя, а иногда – нереальное удовлетворение от достижения цели. В этих перепадах он постепенно погружался в сон.

Небо начало светлеть, и мягкий свет коснулся его век. В полусне он почувствовал, как одна сторона кровати опустилась, и что-то тёплое забралось под одеяло, как большое животное с густой шерстью.

И сон Нань И быстро переключился на солнечные луга, где были антилопы и львы. Его разум обычно был окутан чёрным туманом, и редко ему снились такие яркие сны. Солнце было слишком ярким, и во сне он щурился, споткнулся о траву и упал в объятия льва.

Опасно, жарко.

Когда он был на грани того, чтобы задохнуться, он внезапно проснулся, широко открыв глаза, наконец вырвавшись из этого яркого сна, его грудь тяжело вздымалась. Но вскоре он понял, что чувство удушья исходило не от сна, а от реальности.

Его крепко обнимал человек, его спина прижималась к тёплой груди, а рука обхватывала его талию.

И татуировка на этой руке была ему слишком знакомой, настолько, что даже без очков он мог разглядеть каждый цветок.

Что вообще происходит?

Нань И подумал, что, возможно, он тоже заразился лунатизмом, и всё это было нереальным.

Он попытался вырваться, но услышал сонный голос.

- Не двигайся...

Как можно не двигаться?

Его решительное сопротивление окончательно разбудило Цинь Июя.

Когда их глаза встретились, Нань И на мгновение отвлекся, с улыбкой думая: вчера его никак не могли разбудить, а сейчас он проснулся мгновенно.

Но Цинь Июй явно был совсем другим человеком, чем вчера.

Нань И впервые видел, как его глаза открываются так широко, и это было забавно.

Цинь Июй явно обдумывал их текущее положение, его взгляд перешёл с его руки на талию Нань И, затем снова на руку, и он резко отпустил его, отодвинулся, чуть не упав с кровати.

- Почему ты в моей кровати? - он быстро опёрся на изголовье, едва удерживая равновесие.

Нань И нахмурился, чувствуя, что что-то не так, но, подумав, понял, что всё правильно.

Это действительно была кровать Цинь Июя.

Он потер переносицу, сел и, что было редкостью, объяснил всё подробно:

- Вчера ночью ты внезапно открыл глаза, встал и сел на край моей кровати. Я пытался заставить тебя вернуться в свою кровать, но ты не просыпался. Я хотел помочь тебе встать, но ты не сотрудничал, поэтому мне пришлось временно перелечь на твою кровать. А утром ты почему-то оказался на моей...

Цинь Июй, обнимая одеяло, прервал его:

- Это моя кровать.

Нань И на мгновение замолчал, но, вспомнив, как Цинь Июй выглядел прошлой ночью, почувствовал жалость.

Он глубоко вздохнул и продолжил:

- Хорошо, поправлю: ты почему-то оказался на моей временной кровати, которая на самом деле твоя. Вот так.

Переважив это полминуты, Цинь Июй внезапно осенило, и он схватился за главное:

- погоди, как я вообще мог внезапно ночью оказаться на твоей кровати?

Это ты должен знать.

Нань И без эмоций ответил:

- Потому что ты лунатик.

- Ха! - Цинь Июй рассмеялся. - Лунатик?

Ты что, придумываешь такие нелепые отговорки? Это что, сериал? Почему бы не сказать, что я был одержим духом?

- Откуда я знаю, что я лунатик?

- Я тоже раньше не знал.

Нань И впервые в жизни сказал это без раздумий.

Цинь Июй, мастер находить главное, сразу спросил:

- Раньше? Какое раньше?

Чёрт. Нань И закрыл глаза, пытаясь исправить ситуацию:

- Раньше я тоже не слышал о твоей такой странной привычке. Наверное, кто-то бы уже рассказал о таком странном поведении.

Сказав это, он подумал, что сегодня ночью, даже если не будет спать, обязательно запишет всё на видео.

Это звучало правдоподобно. Цинь Июй на мгновение не нашёл, что возразить, и мог только смотреть, как Нань И встаёт с его кровати и идёт в ванную, с тёмными кругами под глазами.

Хотя он ничего не сказал, он абсолютно не верил, что мог быть лунатиком. Никто никогда ему об этом не говорил. Он взял телефон и написал Чжоу Хуаю:

[Рыбка высшего разряда: Хуай, я когда-нибудь лунатил?]

Если подумать, то раньше с ним в одной комнате спал только Чжоу Хуай, хотя и всего пару раз. Если бы он лунатил, Хуай бы точно знал.

Вскоре пришёл ответ.

[Хуай: Что, ты хочешь найти оправдание тому, что ты по ночам ворует мою еду? Ни за что! Купи мне! Тот шоколадный торт, и ещё ту половину пиццы! Ты ешь, и всё разбрасываешь повсюду!]

[Рыбка высшего разряда: Я же говорил, что не воровал! Мне это не нужно! Я всегда ем открыто!]

Что это доказывало? Никакого лунатизма не было.

Убедившись в этом, Цинь Июй с уверенностью встал, надел тапочки и с телефоном в руке направился к Нань И, который умывался, чтобы выяснить правду. Но, встав, он вдруг подумал о чём-то ещё, сел обратно и продолжил печатать.

Он действительно не мог понять: если он не лунатик, то в этой ситуации не было никакой логики.

Так почему же Нань И оказался в его кровати?

Итак, он подробно описал всё, что увидел, проснувшись утром, и каждое слово, сказанное Нань И, передал Чжоу Хуаю без каких-либо прикрас, с нетерпением ожидая ответа. Он так нервничал, что ходил по комнате, заложив руки за спину.

Ответа пришлось ждать долго, а тем временем Нань И вышел из ванной. Он полуприкрыл глаза, откинув мокрые волосы назад, что было редкостью, и полностью обнажил лицо, случайно столкнувшись взглядом с Цинь Июем.

Цинь Июй замер, уставившись на это лицо, покрытое каплями воды, и первая мысль, которая пришла ему в голову, была: «Этот парень действительно чертовски красив.»

- Ты хочешь воспользоваться? - Нань И отступил в сторону, давая ему место.

Этот парень действительно забавный, подумал Цинь Июй. Ночью он забрался в чужую кровать, потом залез в его объятия, а утром встал и ведёт себя так, будто ничего не произошло.

Он не мог понять, как можно совершить что-то настолько странное и при этом оставаться таким невозмутимым.

Это недоумение продолжалось, пока они не вошли в репетиционную студию.

Янь Цзи и Чи Чжиян разминали пальцы, выглядели бодрыми и свежими, как будто вчера провели день в спа-салоне с горячими источниками и массажем. А они, в сравнении с ними, выглядели как небо и земля.

- Эй? - Янь Цзи посмотрел на Нань И. - Сяо И, ты плохо спал прошлой ночью? У тебя такие тёмные круги под глазами.

Если быть точным, он почти не спал.

Нань И нашёл отговорку:

- Ничего, просто не привык к кровати.

Сказав это, он сразу пожалел, ведь он спал не в своей кровати.

И, конечно, выражение лица Цинь Июя стало странным.

Не привык к кровати? Что, ему не понравилось спать в его кровати? Что ему не понравилось? Его кровать плохая? Если плохая, зачем тогда в неё залезать?

- О чём ты думаешь? - Чи Чжиян ткнул его локтем, саркастически спросив. - Может, ты прошлой ночью писал песни, наш главный вокалист?

Цинь Июй без колебаний ответил:

- А ты так спрашиваешь, может, вы вдвоём прошлой ночью усердно писали песни в кровати, наш барабанщик?

К удивлению, Чи Чжиян, который обычно легко выходил из себя, остался спокоен, моргнул и с невинным видом сказал:

- Мы вчера не писали песни, мы смотрели «Синь-Тяна».

Цинь Июй остолбенел.

- Серьёзно?

Янь Цзи кивнул:

- Пять серий.

Цинь Июй закрыл глаза и тяжело вздохнул.

- Почему вы меня не позвали!

Янь Цзи и Чи Чжиян молчали, а Нань И подумал, что ты вчера сам чуть ли не пошёл к ним в комнату.

- Давайте репетировать, - Нань И надел бас-гитару, подключил педаль эффектов и усилитель.

У них было много демо-записей и набросков, которые они сделали ранее, и, поскольку сейчас у них не было идей, Нань И предложил попробовать старые наработки, чтобы найти вдохновение и потренировать слаженность.

Так они начали пробовать демо, а Цинь Июй сидел на вращающемся стуле и слушал. Вскоре он погрузился в басовую линию Нань И, а затем попросил у Янь Цзи MIDI-клавиатуру и начал играть на ней правой рукой, экспериментируя.

Кондиционер в репетиционной студии сломался, температура не падала, было душно. Чи Чжиян, играя на барабанах, вспотел и вышел, чтобы найти сотрудников. Вернувшись, он сказал:

- Они сказали, что уже вызвали мастера, но тут далеко, нужно время.

- Ничего страшного, - Нань И одной рукой держал гитару, а другой зубами снял чёрную резинку с запястья и завязал волосы.

Пот стекал со лба до подбородка, и под светом студии он блестел, как и его серёжки.

Цинь Июй даже не осознавал, что смотрит на него.

Из-за перепада температур утром Нань И надел чёрный свитшот, но сейчас было жарко и душно, и завязанные волосы не помогали. Подождав ещё немного, он снял гитару и вышел из комнаты.

- Куда ты? - Чи Чжиян, сидя на стуле, вытянул шею.

- Возьму кое-что, - дверь закрылась.

Через десять минут он вернулся, в левой руке держал небольшой серый ящик с инструментами, а в правой - пакет с четырьмя бутылками холодной колы.

- Вернулся? - Чи Чжиян, весь в поту, выглядел как белый кудрявый барашек, его волосы взъерошились, и даже косичка на плече растрепалась.

Нань И кивнул и протянул ему пакет с напитками. Чи Чжиян сразу понял, взял пакет и раздал колу.

Выпив глоток, Нань И правой рукой схватил край свитшота, снял его одной рукой и бросил на диван. Затем он открыл ящик с инструментами, нашёл подходящую отвёртку для кондиционера и, повернувшись спиной к остальным, быстро снял заднюю панель и начал возиться с ним.

Его волосы были завязаны, обнажая шею, очень белую, с выступающей косточкой, а ниже - плечи и спину с красивыми линиями. Белая футболка сидела гораздо лучше, чем свитшот, ткань была тонкой, и пот прилип к спине, обнажая линию талии.

Какая тонкая талия.

Нань И потянулся за отвёрткой, лежащей на верхней части кондиционера, и край футболки

приподнялся, обнажив часть талии, ближе к джинсам, с двумя небольшими ямочками.

Цинь Июй вдруг вспомнил, как в деревне он любил учиться лепить глиняные кружки у одного старика. Он хорошо играл на гитаре, но его руки были неуклюжими, и каждый раз он оставлял на кружке отпечатки своих больших пальцев.

Он поднял глаза и уставился на ямочки на спине Нань И, пока край футболки не опустился.

Это была та самая талия, которую он обнимал утром.

Звук работающего кондиционера внезапно раздался, и холодный воздух ударил Цинь Июю в лицо. Пот, смешанный с холодным ветром, заставил его вздрогнуть, и по всему телу побежали мурашки. Ужасно то, что он даже мог вспомнить, как ощущал эту талию в своих руках – тёплую, немного костлявую, но не неприятную, а скорее...

Удобную.

- Чёрт.

Он ударил себя по лицу, не сильно, но этого хватило, чтобы напугать остальных троих.

- Ты больной? – Чи Чжиян с серьёзным видом спросил.

Цинь Июй так же серьёзно кивнул.

- Я тоже так думаю.

Услышав это, Нань И повернулся, спокойно посмотрел на него, взгляд скользнул к неоткрытой коле рядом с его рукой, затем он опустил глаза и стряхнул пыль с рук.

- Починил, продолжаем.

- Ты просто герой, Сяо И.

- Спасён, я уже чуть не умер от жары, Сяо И, ты просто гений!

Телефон Цинь Июя зазвонил, звук был как спасение, вытащившее его из странных фантазий.

Он облегчённо вздохнул и разблокировал телефон, но перед ним появилась бутылка колы с уже открученной крышкой.

Цинь Июй поднял глаза и встретился взглядом с теми светлыми глазами. В них не было эмоций, да и сам он казался совершенно бесстрастным, просто протянул колу вперёд.

- Спасибо, – Цинь Июй был ошеломлён, беря бутылку, он случайно коснулся его руки – холодной и мокрой.

Он чуть не вздрогнул, позже объяснив это тем, что кондиционер был слишком холодным.

Как только он взял напиток, Нань И ушёл, снова надев свою пятиструнную бас-гитару.

Цинь Июй не успел попить, как телефон снова завибрировал, и он вспомнил, что хотел проверить сообщения.

[Хуай: Подожди!]

[Хуай: Не мешай, я думаю.]

[Хуай: Цинь Июй, клянусь честью и достоинством своих 22 лет жизни, этот парень на 100% влюблён в тебя! Он обожает тебя!]

Заметки от автора:

Самообман Цинь Июя - это ответственность всех присутствующих (включая самого Нань И).

Мини-сцена из Crazy Band:

[Репетиционная студия «Неугасимое дерево»]:

- Хэнкэ наверняка готовит что-то грандиозное.

- Я тоже так думаю, они такие пугающие, новички такие сильные, что нам делать?

- Давайте пойдём и подсмотрим.

Чэн-Чэн: - Я не пойду, идите сами!

Юка: - Пойдём, я пойду с тобой, заодно купим напитки, слишком жарко.

Чэн-Чэн (неохотно соглашается): - Ты меня достал...

Они действительно пошли к репетиционной студии Хэнкэ, заглянули в окно, и Чэн-Чэн, делая вид, что ему всё равно, остолбенел.

Барабанщик Чи Чжиян спал, положив голову на барабаны.

Остальные трое...

Чэн-Чэн нахмурился: - Что они делают??

Юка: - Они... заплетают косички??

[Репетиционная студия Хэнкэ]:

Чи Чжиян, уставший от игры на барабанах, заснул, но вдруг почувствовал, как что-то щекочет его, и услышал тихий шёпот.

- У тебя не получается, ровно, но слишком косо, ты бы ещё Пизанскую башню построил, посмотри на мою...

- Ты заплела слишком свободно, если поднимет голову, всё распустится, у Сяо И как раз хорошо...

- Он расплетал и заплетал несколько раз, неудивительно, что получилось. Я сделал с первого раза...

- Дай мне резинку, я заканчиваю.

Эм... что?

Чи Чжиян: ??? (резко просыпается, поворачивается и сталкивается взглядом с тремя остальными)

(Все трое одновременно поднимают руки, сдаются, моргают)

- Что вы делаете?! - Чи Чжиян потянулся рукой назад и обнаружил, что его косичка превратилась в три!

- Вы с ума сошли? Объясните, пожалуйста, что это за бред???

Янь Цзи с улыбкой объяснил: - Мы соревнуемся.

Чи Чжиян: ???

Цинь Июй прочистил горло: - Поздравляем Цинь Июя с победой в конкурсе по плетению косичек, теперь попросим Чи Чжияна вручить награду...

Чи Чжиян: - Я тебе вручу! Вы совсем с ума походили!

Чи Чжиян (с обидой смотрит на Нань И): - Сяо И, как ты мог с ними заодно!

Нань И, опустив голову, внимательно рассматривал только что сделанные фотографии, увеличивая и уменьшая их: - Это я выиграл. (про себя)

Десять минут спустя:

Юка и Чэн-Чэн, купив газировку, снова проходили мимо репетиционной студии Хэнкэ, заглянули в окно и снова остолбенели.

- Что они ещё вытворяют...

Чи Чжиян стоял, заложив руки за спину, а остальные трое сидели на стульях.

У каждого на голове была заплетена косичка с бантиком: у Нань И - синий, у Янь Цзи - жёлтый, у Цинь Июя - розовый.

Трое красавцев превратились в три яблочка.

- Вам так нравится заплетать косички? Так поднимите головы и покажите их!

Чи Чжиян, расставив ноги, фотографировал их: - Улыбайтесь.

Янь Цзи, вынужденно улыбаясь: - Так нормально?

Цинь Июй подмигнул и сделал жест сердцем: - Красавчик? Отправь мне в WeChat, я ещё позу поменяю, эй, подойди сюда, у меня правый профиль лучше...

Нань И без эмоций: - Объективно говоря, это я выиграл.